

В.Д. Дзидзоев

ПЕРЕХОД К НЭПУ И ПРОБЛЕМЫ КРЕСТЬЯНСТВА ЮГА РОССИИ

В.Д. Дзидзоев*

Аннотация. Статья посвящена сложному периоду в истории нашего государства – периоду новой экономической политики (НЭП). В годы НЭПа Советское государство заметно окрепло в хозяйственном отношении, но в этот период государственные органы разрешили на местах, в том числе в Северной Осетии, в целом в Горской АССР, частную собственность на средства производства. Разумеется, это было не возвратом к капитализму, а необходимой мерой для Советского государства, чтобы выйти из глубокого экономического кризиса.

Ключевые слова: Новая экономическая политика, продовольственный налог, продовольственная разверстка, Октябрьская революция, Гражданская война, Советское государство, коллективизация, X партийный съезд, «военный коммунизм», «голодомор».

К началу 1920 г. внутренняя политика большевиков в Советской России стала давать явные сбои, что руководство РСФСР не могло не настораживать. В Центральном Комитете большевистской партии предпринимались отчаянные попытки выхода из общественно-политического и хозяйственного кризиса в масштабах страны. В этот сложный период не только противники советской власти, но и ее сторонники уже поняли губительное воздействие военно-коммунистических методов хозяйствования на экономику Советской России. На просторах огромной страны, в том числе в Терской области, в целом Юга России, нарастало протестное настроение в обществе. Напомню, что большевики, стоявшие у власти, широко практиковали продразверстку, а также различного рода реквизиции. Это касалось всех слоев населения деревень. Во всех сельских населенных пунктах Советской России постоянно сокращались посевные площади, а численность скота неуклонно уменьшалась. Кроме того, тяжелые и не совсем понятные реформы в сельском хозяйстве были практически чуждыми для абсолютного большинства крестьян.

Говоря о причинах кризиса в сельском хозяйстве, партийные и советские органы отмечали острейший дефицит тягловой силы, сельхозинвентаря, посевного материала, а также нехватку крестьянских рук. Все это было результатом продразверстки, которую в народе называли «государственным грабежом». Продовольственные отряды Терской области, как и по всей стране, забирали у земледельцев, разумеется насильственно, не только излишки сельхозпродукции, но очень часто и семенное зерно. При таком положении вещей крестьяне не видели смысла в расширении посевных площадей, а также в сохранении, а тем более увеличении численности скота. Партийно-советские

органы прилагали огромные усилия для организации весенней посевной кампании 1921 г. Однако в силу различных объективных обстоятельств итоги посевной разочаровывали не только самих крестьян, но и государственные органы, ожидавшие более внушительных практических результатов. Не последнюю роль в провале этой кампании играло и то, что органы власти не смогли полностью избавиться от военно-коммунистических методов работы в сельском хозяйстве. В официальных партийно-советских документах, как это часто бывало (и не только тогда), указывалось, как умело использовать различные методы для эффективной работы в сельском хозяйстве. Так, вышестоящими государственными органами предписывалось, что «всякое принуждение, не вызываемое очевидной необходимостью, должно быть, безусловно, устраняемо» [1, оп. 1, д. 180, л. 13]. Однако предписания высших партийных и советских органов очень часто не выполнялись на местах, в том числе и в Терской области. На то были разные причины. Так, многие руководители считали, что насильственные методы более эффективны и результативны. Методы убеждения они отвергали, то ли потому, что не понимали, то ли потому, что не хотели. Таким образом, посевная кампания 1921 г. строилась в основном по принципу принуждения крестьян. Весенний сев в большевистском руководстве страны был объявлен «боевым заданием» [1, оп. 1, д. 192, л. 10]. Советские газеты Терской области активно пропагандировали так называемые новые методы ведения сельского хозяйства и всячески поддерживали их. Многие из них обращались к трудоспособному населению с призывом выйти на поля и показать настоящий патриотический труд во имя социализма. При этом отдельным крестьянским хозяйствам, которые отказывались обрабатывать свои поля,

* Дзидзоев Валерий Дударович — д. и. н., профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета Горского ГАУ; главный научный сотрудник Владикавказского научного центра РАН; профессор кафедры политологии СОГУ (dzidzoevv@mail.ru).

органы власти угрожали лишением прав пользования землей [1, оп. 1, д. 91, л. 46 об.]. Конечно, такие угрозы в тех сложнейших условиях, в которых оказалась не только Терская область, но и вся огромная страна, не имели серьезного воздействия хотя бы потому, что страна испытывала острейший дефицит трудового народа.

Во-первых, грандиозная Гражданская война только закончилась, ее катастрофические последствия сказывались еще на протяжении многих лет. В результате войны многие мужчины оказались убитыми или искалеченными, а то и без вести пропавшими. Во-вторых, непонимание, а то и враждебное отношение абсолютного большинства населения к социалистическим экспериментам (продразверстке, продналогу, НЭПу и т. д.), в которых, надо полагать, не очень-то разбирались и сами партийно-советские руководители, сеяли пессимизм, всеобщее уныние и разочарование в новой власти. Необходимо подчеркнуть, что органы советской власти по всей стране стремились крепко держать в руках бразды правления. Так, в целях жесткого контроля за земледельцами в деревню направлялись различные уполномоченные от органов советской власти для создания посевных комитетов (посевкомы). Фактически члены посевкомов выполняли если не военные, то уж точно полувоенные функции. Архивные документы функции посевкомов характеризуют как «новые боевые органы на сельскохозяйственном фронте» [1, оп. 1, д. 192, л. 28; 36]. Замечу, что у членов посевкомов были большие полномочия, которыми они пользовались повсеместно от имени советской власти. Фактически без их ведома невозможно было осуществлять сельскохозяйственные работы, куда они ежедневно могли вмешиваться по принципу «революционной необходимости». Они обязаны были не отбирать хлеб у крестьян, как это делали члены продразверстки, но активно и повсеместно мобилизовывать крестьян на труд и оказывать им необходимую помощь. И хотя партийно-советское руководство страны всячески призывало к мирным методам сельскохозяйственных работ, на практике, тем более в Терской области, применялись и методы администрирования. Было немало случаев, когда крестьян, которые совсем не понимали сельскохозяйственную политику Советского государства, под разными предлогами и угрозами вынуждали обрабатывать землю, которую они не хотели добровольно обрабатывать. В таких сложных и трудных условиях эффективность сева не давала желаемых результатов. К тому же необходимо отметить, что посевную кампанию вели с учетом в первую очередь государственных нужд, и только во вторую очередь – с учетом потребностей самих крестьян. А это означало, что в обществе быстро росло протестное настроение.

Надо сказать, что партийно-советские органы допускали ошибки и заблуждения не только в проведении сельскохозяйственной политики Цен-

трального Комитета партии, но и в других сферах внутренней политики. В первую очередь, это являлось следствием малограмотности партийно-советских руководителей на местах, в том числе и в Терской области (с января 1921 г. по июль 1924 гг. – Горской Республики). Многие из большевиков области не имели не только высшего, но и среднего образования. В то же время в период Гражданской войны они сражались на стороне советской власти, имели заслуги и признание трудового народа. В качестве примера можно привести руководителя кабардино-балкарских большевиков Б.Э. Калмыкова, который имел всего 4 класса образования. Многие другие большевики, которые стояли на одном уровне с ним, или на порядок ниже, были такими же малограмотными, как и Бетал Эдыкович. Отсутствие элементарного образования компенсировалось партийной принадлежностью, огромным желанием принимать участие в социалистическом преобразовании общества и, в частности, сельского хозяйства. Тем более, что они очень часто рисковали жизнью, многие из них погибли, а уцелевшие привыкли решать проблемы по-военному, т. е. в приказном порядке. А сразу после Гражданской войны, уже в условиях мирной жизни, они никак не могли избавиться от приказного тона в решении поставленных партией задач.

Положение в сельском хозяйстве в начале 20-х гг. XX в. оставалось если не критическим, то очень сложным, непонятным, непредсказуемым и противоречивым. Крестьянские протесты в Терской области проявлялись в уклонении от требований продразверстки. Однако здесь имели место и вооруженные выступления крестьян, которые носили как организованный, так и стихийный характер. Проявлением этого было участие многих крестьян в так называемой «Народной партии Осетии». Многие из них были арестованы, одни расстреляны в период Большого террора в СССР, а другие сосланы на длительные сроки пребывания в исправительно-трудовых лагеря. Только из одного Дур-Дура в июне 1937 г. тройкой НКВД Северо-Осетинской АССР было приговорено к высшей мере наказания пять человек, а еще больше арестованных отбывали длительные сроки наказания в ИТЛ Архангельской области [2, с. 103]. Замечу, что этот период истории Осетии именно в таком ракурсе до сих пор остается пока малоисследованной научной и общественно-политической проблемой. В советской историографии об этом периоде принято было писать, объясняя глубинные причины крестьянских волнений происками кулаков. Однако данная проблема представляется в высшей степени актуальной и требует до сих пор своего вдумчивого и профессионально подготовленного специалиста.

Столкнувшись с массовым и жестким противодействием крестьян Терской области, в целом Юга России, большевики до первой половины 30-х гг. XX в. не могли выполнить годовые планы, спускаемые сверху партийно-советскими структурами. В

архивах немало документов, свидетельствующих о массовом недовольстве крестьян большевистской аграрной политикой. В этой связи интересным представляется, что даже на конгрессе III Интернационала представители советского крестьянства направили в президиум конгресса записку, в которой значилась то ли просьба, то ли требование «отменить принудительность (в работе на сельскохозяйственном поле. – В. Дз.), всякие сборы яиц, масла, хлеба и всех других продуктов» [3, оп. 1, д. 1, л. 17]. Представители крестьянства, прекрасно владевшие общественно-политической обстановкой на сельскохозяйственных участках, просили, чтобы «землероб свои излишки свободно обменивал на рынке» [3, оп. 1, д. 180, л. 13].

Необходимо подчеркнуть и чрезвычайно сложное положение большевиков, которые, захватив власть в России в 1917 г. и установив советскую систему управления государством, оказались в исключительно тяжелом положении. Напомню, что в первые годы советской власти на всей территории огромной страны вспыхивали то в одном, то в другом месте антисоветские выступления. В общей сложности они исчисляются сотнями. Наиболее крупные из них – Тамбовское и Кронштадское, которые фактически потрясли всю Советскую Россию. Кронштадское восстание матросов 1921 г. продемонстрировало руководству большевистской России не только массовое недовольство «низов» партийно-советскими органами власти, но и решительность и готовность идти до конца в вопросе смены власти. Именно поэтому высшее большевистское руководство решило кардинально пересмотреть проводимую ими внутреннюю политику в РСФСР и особенно в сфере сельского хозяйства. На X съезде большевистской партии в марте 1921 г. В.И. Ленин провозгласил совершенно новую концепцию внутренней политики Советского государства – замену продовольственной разверстки (продразверстки) продовольственным натуральным налогом (продналогом). Не вдаваясь в подробности данной новой концепции, подчеркну, что это был решительный отказ от политики «военного коммунизма». В результате новой экономической политики (НЭП), к которой повернулось молодое Советское государство, необходимо было вывести огромную страну из экономического кризиса, почти всеобщей бедности и разрухи. По мысли руководителей большевиков, это должно было успокоить если не всех, то хотя бы большинство советских людей.

Если подходить к определению НЭПа с формальных позиций, то она, новая политика, началась в марте 1921 г., т. е. с момента своего провозглашения. Завершением НЭПа считается период сплошной коллективизации сельского хозяйства, т. е. 1929 – нач. 30-х гг. XX в. Часть исследователей данной проблемы связывают свертывание НЭПа со статьей И.В. Сталина «Год великого перелома», опубликованной в 1929 г. Следует иметь в виду, что

границы эпохи НЭПа, как и других исторических явлений и процессов, достаточно условны. Дело в том, что между заявлениями лидеров государства, различными постановлениями и решениями высших органов государственной власти и реальным воплощением в жизнь декларируемых идей, как правило, бывают разрывы, расхождения, определенные неточности и т. д. Причин на то бывает немало. Так, завершение НЭПа было, как известно, связано с так называемым «великим переломом», который был продиктован хлебозаготовками 1927–1928 гг. Хлебозаготовки в те годы по всей стране носили фактически чрезвычайный характер. Внимательный анализ начального периода НЭПа убеждает в том, что первые его результаты появились только к середине 1922 г., а не в марте 1921 г. Если исходить из того неопровержимого факта, что НЭП должен был вывести страну из огромной разрухи и кризиса в экономике, то первые позитивные результаты на Юге России приходятся на 1922 и последующие годы. Именно к этому периоду относится и смягчение политики большевиков в отношении крестьянства. Кроме того, необходимо подчеркнуть и некоторое потепление между властями и крестьянами. Еще одной особенностью того сложного периода следует признать, что многие члены партии скрытно сопротивлялись переходу к новой экономической политике, так как считали ее предательством руководства большевистской партии, которое, по их мнению, «предало идеалы Октябрьской революции 1917 г.». Очень трудно было объяснить малограмотным партийным и советским работникам, что НЭП был исключительной необходимостью для Советского государства. Преданным большевикам, которые отличились в борьбе за советскую власть в годы Гражданской войны, но не имели необходимого образования, легче было ориентироваться в политике «военного коммунизма». Здесь все было понятно, а потому его многие приветствовали. В период «военного коммунизма» партийные и советские руководители всех уровней имели четкую коллективную психологию, основанную на необходимости решать путем насилия все возникающие вопросы. Казалось, что путь насилия – это и есть дорога в «социалистический рай», кратчайший путь к новому бесклассовому обществу. Разумеется, они ошибались, но проблема состояла в том, что малообразованных руководителей такая политика большевистской партии намного больше удовлетворяла, чем переход к НЭПу. Здесь нужно было иметь хотя бы немного профессиональных знаний, необходимо было посмотреть на большие возможности НЭПа, а самое главное, понять и осмыслить перспективу новой экономической политики для судеб Советского государства. Сторонники НЭПа в Центральном Комитете большевиков – В.И. Ленин, И.В. Сталин и др. – прекрасно понимали, что без НЭПа Советское государство оказывалось перед катастрофой. Но даже среди членов Центрального Комитета большевистской партии нашлись боль-

шевики, которые критиковали генеральную линию партии. Среди них можно назвать и жену В.И. Ленина Н.К. Крупскую, которая или не понимала перспективу НЭПа, или сознательно искажала ее. И.В. Сталин по этому поводу писал: «Вопрос о НЭПе. Я имею в виду тов. Крупскую и ее речь, сказанную по вопросу о НЭПе. Она говорит: «Нэп является в сущности капитализмом, допускаемым на известных условиях, капитализмом, который держит на цепи пролетарское государство»... Верно ли это? И да, и нет. Что мы держим капитализм на цепи и будем держать, пока он существует, это факт, это верно. Но чтобы НЭП являлся капитализмом, – это чепуха, несусветная чепуха. НЭП есть особая политика пролетарского государства (Советской России. – **В. Дз.**), рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства (Советской России. – **В. Дз.**), рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики» [4, с. 364]. Отмечу, что И.В. Сталин об этом говорил в декабре 1925 г. В сущности, он, один из инициаторов НЭПа наряду с В.И. Лениным, изложил в тезисной форме концепцию двойственной природы новой экономической политики, необходимой для начального этапа Советской России. НЭП, по замыслу руководителей партии, должен был помочь экономике Советского государства встать «на ноги». Анализ документов, исторических и правовых фактов 20-х гг. XX в. свидетельствует о том, что наша страна переживала переходный этап от капитализма к социализму. И в этом отношении трудно не согласиться с В.И. Лениным, который говорил, что из России нэповской должна получиться Россия социалистическая. А что касается позиции в этом вопросе Н.К. Крупской, то она получила не только от И.В. Сталина, но и других членов Центрального Комитета большевистской партии серьезную отповедь за извращение смысла ленинских слов, сказанных по вопросу НЭПа. В.И. Ленин неоднократно призывал своих сторонников проводить разъяснительную работу по проблемам новой экономической политики. Другое дело, что партийные и советские чиновники на местах то ли не хотели, то ли по каким-то другим причинам не собирались отказываться от военно-коммунистических методов работы. Сказанное в полной степени относится и к Северному Кавказу, в целом к Югу России.

Партийные и советские руководители очень тяжело усваивали азбуку новой экономической политики. На мой взгляд, на то было несколько причин. Во-первых, руководство большевистской партии и Совнарком РСФСР не сформулировало изначально четкую концепцию НЭПа. Во-вторых, местные

партийные и советские органы, в основном укомплектованные малограмотными чиновниками, то ли не могли, то ли не хотели вникать в глубинный смысл и перспективу НЭПа. В-третьих, среди местных чиновников оставались такие, которые считали, что НЭП фактически приведет «к возрождению капитализма». А это, как они считали, будет предательством «идеалов Октябрьской революции 1917 г.» Интересно отметить, что руководитель большевистской партии В.И. Ленин в мае 1921 г. признавался в том, что «на местах политика партии, определившаяся в связи с продналогом, остается в громадной степени (! – **В. Дз.**) не разъясненной, частью даже непонятной» [5, с. 299]. В архивах Владикавказа, Нальчика, Грозного, Махачкалы, Ростова-на-Дону и других городов есть немало уникальных документов, объективный анализ которых убедительно свидетельствует о том, что на Северном Кавказе, в целом на Юге России, значительная часть даже большевиков мало понимала сущность и перспективу НЭПа. Отсюда, по моему убеждению, многие проблемы, возникавшие в ходе практической реализации новой экономической политики. В архивных документах имеется немало сведений о том, что насильственные методы перехода к НЭПу воспринимались партийными и советскими органами не только как «указания сверху», но и «норма обычной жизни». Объективный анализ данной проблемы убеждает в том, что замена продразверстки продналогом, повсеместная работа по его собиранию очень напоминала методы «военного коммунизма», страшные времена, когда государственные заказы выполнялись по военно-коммунистическим правилам и законам. В этой связи определенный интерес представляют и воспоминания А.И. Микояна, занимавшего с весны 1922 г. должность секретаря Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). Он отмечал, что в 1922 г. общественно-политическая обстановка на Юге России постепенно нормализовалась, подчеркивая, что жесткие методы при работе в деревне уже не применялись. В 1922 г., по утверждению Микояна, «мы решили с самого начала кампании (по сбору продналога. – **В. Дз.**) полностью отказаться от применения вооруженной силы, к чему до этого приходилось, к сожалению, нередко прибегать» [6, с. 188]. Такое признание одного из руководителей большевистской партии свидетельствует о том, что до 1922 г. органы советской власти активно применяли при сборе сельскохозяйственных продуктов вооруженную силу, т. е. насилие над крестьянами. Тем не менее, даже после 1922 г. в Горской АССР, в целом на Юге России, партийные и советские органы в деле реализации новой экономической политики очень часто сталкивались с конфликтными ситуациями, массой всевозможных недоразумений, необходимостью чрезвычайных мер в борьбе с крестьянами. Кроме традиционных для политики «военного коммунизма» чрезвычайных методов работы в деревне на начальном этапе НЭПа сохранялись и некоторые другие ор-

ганы государственной власти, призванные жестко контролировать работу крестьян. Замечу, что данная проблема в силу многих объективных обстоятельств не получила даже поверхностного освещения в региональной историографии советского периода. Многие известные специалисты советского периода, занимавшиеся в основном аграрными вопросами Северного Кавказа (доктора исторических наук, профессора М.И. Гиоев, А.К. Текуев, Ю.В. Хоруев, Е.Н. Осколков, В.И. Иванов, П.Г. Чернопицкий и др.) эту проблему либо обходили, либо трактовали ее тенденциозно. Так, В.И. Иванов и П.Г. Чернопицкий писали, что «созданный в начале 1921 г. Донпосевкомом окружные, волостные и станичные посевкомы осуществляли руководство посевной кампанией, помогали организовать ремонт сельскохозяйственного инвентаря и заготовку семян» [7, с. 41]. Получается, что там особых проблем не было, кроме руководства посевной кампанией. Однако на самом деле положение было куда более сложным, а местами даже критическим. Посевкомы фактически были чрезвычайными органами по руководству севом, и именно поэтому они, где бы ни функционировали, применяли военно-полицейские методы, проще говоря, силой принуждали крестьян к севу. Однако в условиях новой экономической политики они, посевкомы, не должны были уже работать. Тем не менее в течение еще года после введения НЭПа они продолжали работать по всей огромной стране.

Посевкомы были восстановлены в период сплошной коллективизации сельского хозяйства, то есть, начиная с 30-х гг. XX в., когда они получили название «посевные тройки». Роль этих чрезвычайных органов по руководству севом очень понравилась И.В. Сталину и его ближайшему окружению. Они ратовали за создание колхозов по всей огромной стране. Насильственные и репрессивные методы работы посевкомов вполне подходили для этого дела. Партийно-советские руководители прекрасно помнили, что посевкомы показывали конкретные результаты в период «военного коммунизма». Этим объясняется, по моему убеждению, что в Горской АССР, а после ее распада в 1924 г. в отдельных автономных областях, после объявления новой экономической политики продолжали придерживаться в основном военно-коммунистических методов работы в сельской местности. В некоторых автономных областях Северного Кавказа во второй половине 20-х гг. XX в. в той или иной степени сохранялась еще продразверстка. Название «продовольственная разверстка» в официальных отчетах, а также в большевистских газетах и журналах уже не присутствовало. Однако, в сущности, крестьяне многонационального Юга России по-прежнему ощущали продразверстку. Руководители на местах (по крайней мере, многие из них) не торопились отказываться от продразверстки, так как такая политика и практика были очень удобны для них. Тем

более, когда выполнялись заказы государства на миллионы пудов хлеба, то, естественно, руководители областей, непосредственно занимавшиеся проблемами сельского хозяйства, оказывались в почете и авторитете у руководителей Северо-Кавказского крайкома партии, а то и Центрального Комитета большевистской партии. Кроме того, руководители автономных областей Северного Кавказа своей «затянувшейся продразверсткой» выполняли, по моему убеждению, еще и следующую задачу. Дело в том, что продразверстка выполнялась в основном крестьянами-середняками и зажиточными хлеборобами, которые в хозяйственном отношении более или менее «крепко стояли» на ногах. Им, состоятельным крестьянам, достаточно часто приходилось брать на себя и обязательства крестьян-бедняков, которым, в силу своей бедности, нечего было сдавать в фонд Советского государства. Эти и другие причины, на мой взгляд, способствовали тому, что партийно-советские работники Юга России и после введения в стране НЭПа демонстрировали в основном приверженность военно-коммунистическим методам работы в селах. В той или иной степени партийно-советские работники пытались сохранить политику продразверстки даже тогда, когда сама продразверстка получила официально уже другое название. При этом старались увеличить размеры налогов, платившиеся крестьянами вместо продразверстки. А.И. Микоян в своих воспоминаниях, затрагивая этот вопрос, писал, что «некоторые товарищи (в 1922 г. – В. Дз.), справедливо отмечая недостаточность средств в местном бюджете и ссылаясь на хороший урожай, предлагали ввести помимо основного продналога дополнительное налоговое обложение населения» [6, с. 189]. Из этого признания следует: во-первых, в проблемах и перспективах НЭПа население Советского государства плохо разбиралось, особенно в первые ее годы. Во-вторых, между декларациями, установками и постановлениями Центрального Комитета РКП(б), принявшими концептуальное решение о НЭПе, и партийно-советскими руководителями республиканского, областного и районного масштабов была огромная разница в подходах и методах работы. Установки Центрального Комитета были декларативно проникнуты заботой о трудовом народе, а непосредственные исполнители на местах, т. е. рядовые члены РКП(б) и партийно-советские чиновники среднего уровня очень часто придерживались военно-коммунистических методов, чтобы максимально увеличить налоговое бремя крестьян. Отсюда, по моему убеждению, одна из главных причин недовольства крестьян, в целом трудового населения Советского государства, генеральной политикой партии. Крестьяне очень часто не замечали облегчение налогового бремени, произошедшее во время НЭПа. Об этом свидетельствуют и документы различных архивохранилищ нашей страны, в том числе и Северной

Осетии. Так, после перехода к НЭПу партийные и советские работники на Дону писали в вышестоящие органы, что «после перехода к НЭПу не собирались признавать и соблюдать реальные пределы обирания непосредственных производителей, т. е. крестьян и казаков» [7, ф. 17, оп. 86, д. 176, л. 4]. В 1922 г. земледельцы Донской области жаловались на то, что на Юге России очень часто встречаются конкретные случаи, когда продовольственный налог значительно превышает продовольственную разверстку [7, ф. 17, оп. 86, д. 176, л. 5]. О временах «военного коммунизма» вспоминали и крестьяне Горской АССР, которые также жаловались на то, что продналог в отдельных местах больше, чем продразверстка [8, ф. 41, оп. 1, д. 222, л. 28]. В этой связи уместно напомнить, что в Северной Осетии был конкретный случай, когда в период «военного коммунизма» в с. Магометановское (ныне с. Чикола) крестьянин Р. Лагуев, у которого на чердаке дома двое проверяющих – представители органов советской власти обнаружили небольшие запасы зерна для семьи. В порыве крайнего возмущения и гнева Лагуев отрубил топором голову одному из уполномоченных по заготовкам зерна. Старшее поколение не только жителей Чиколы, но и всей республики хорошо помнит этот трагический случай. И Лагуев был не единственный крестьянин, кто «отличился» в период «военного коммунизма».

Эти и другие очевидные факты свидетельствуют, что партийно-советские руководители всех уровней в основном игнорировали новую экономическую политику. По крайней мере, анализ архивных документов и советской историографии, посвященной этой проблеме, свидетельствует о том, что партийно-советские работники на начальном этапе НЭПа еще сохраняли верность военно-коммунистическим методам в деревне. Из всего этого можно сделать вывод, что примерно в 1922–1924 гг. в Горской АССР, в целом на Юге России продолжалось если не враждебное, то недоверчивое отношение крестьян к решениям Центрального Комитета большевистской партии, в целом Совнаркома РСФСР по проблеме НЭПа. Здесь важно подчеркнуть, что крестьяне негативно относились не к НЭПу как к новой государственной политике, а к методам и формам реализации той самой новой политики, о которой много говорилось. Анализ проблемы убеждает в том, что крестьяне если не все, то непременно большинство понимало разницу между обещаниями о замене продразверстки продовольственным налогом и практическими действиями органов Советского государства. Говоря об этом, многие земледельцы в 1922 г. подчеркивали, что «отношение крестьянства – середняков, а также зажиточных к продовольственному налогу – одобрительное... В целом они поддерживают продналог. Однако крестьяне опасались того, что в реальной действительности продналог может превратиться в продовольствен-

ную разверстку» [9]. В архивах Северной Осетии имеются документы, из которых явствует, что в начальный период НЭПа крестьяне Горской АССР «к продовольственному налогу относились в целом положительно, хотя и не доверяли властям» [8]. Таким образом, продолжалось некое противостояние между земледельцами и органами власти. Земледельцы слишком часто видели, что в годы НЭПа, вместо обещанного снижения налогового бремени, органы советской власти по-прежнему показывали жесткую политику в отношении крестьян, с которых пытались выжать по максимуму все, что им удавалось собрать с полей. Это вынуждало многих крестьян относиться примерно одинаково как к продналогу, так и к продразверстке. По логике центральных большевистских властей размеры налогов в годы НЭПа должны были снижаться, а крестьянин должен был если не процветать, то жить, по крайней мере, обеспеченно. Однако в реальной действительности не удавалось добиться этой цели. А если еще добавим, что сразу после Гражданской войны начались и другие проблемы, например, сильнейшая засуха 1921 г., разруха, голод и т. д., то станет понятна масштабная катастрофа, обрушившаяся на абсолютное большинство граждан нашей страны. А.И. Микоян утверждал, что «новой экономической политике, принятой на X партийном съезде, в первый же год не повезло. Ее проведение совпало со стихийным бедствием – сильной засухой и неурожаем 1921 г.» [6, с. 106].

Обращаю внимание, что в последние десятилетия ученые-исследователи постоянно дискутируют по многим вопросам истории Отечества XX в. Среди них большое внимание уделяется такой малоисследованной проблеме, как «Голодомор» в РСФСР, Украине, Казахстане, других республиках бывшего СССР. Разумеется, современные исследователи могут свободно писать, излагать свое видение (конечно же, опираясь на достоверные факты) любой проблемы, которая не получила должного освещения в предыдущие годы. Что касается проблемы «голодомора», то подчеркнем, что на Украине и в Казахстане даже поставили памятники жертвам «голодомора», требуя от Москвы признать «факт геноцида» исключительно украинцев и казахов. «Голодомор» определенные политические и научные силы не только на Украине и в Казахстане, но даже отечественные либералы стремятся использовать в политических целях. Между тем голод 1921 г. стал следствием нескольких взаимосвязанных причин.

Во-первых, природная засуха, которая наступила в нескольких крупных регионах Советского государства.

Во-вторых, страшные последствия Гражданской войны, которая привела фактически к катастрофической разрухе со всеми негативными последствиями, в том числе острым дефицитом продуктов питания.

В-третьих, налоговая политика партийно-советских органов, которые доводили крестьян до чрезвычайно тяжелых хозяйственного положения и морально-этического состояния.

Здесь можно согласиться с мнением известного отечественного специалиста В.В. Кондрашина, который указывает: «Особенно негативной по своим последствиям для сельского хозяйства (в первые годы советской власти. – **В. Дз.**) была продовольственная разверстка» [10, с. 319.]. Материалы Горской АССР, в целом Юга России убеждают, что продовольственный налог во многих местах оказался фактически продовольственной разверсткой. Конечно, такое положение из года в год ухудшало положение в сельском хозяйстве. Что касается тяжелого положения крестьян в начальный период НЭПа, то хочется еще раз процитировать воспоминания А.И. Микояна, приехавшего в Ростов-на-Дону в 1922 г. на должность секретаря Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). Он писал: «Кое-где прямо на улицах попадались даже трупы людей, умерших, как мне говорили, от голода: они прибыли сюда из голодающих районов края (Северо-Кавказского края. – **В. Дз.**). Меня поразило, как люди спокойно проходили мимо трупов, – видимо, это стало для них привычным зрелищем» [6, с. 171]. Точное количество умерших от голода в тот период до сих пор неизвестно. Многие исследователи, занимающиеся этой актуальной проблемой, приводят лишь приблизительные цифры, иногда очень завышенные. И потому неправдоподобные. Однако известно, что многие крестьяне забивали скот, ели даже кошек и собак, а также всяческие суррогаты; наблюдался и каннибализм¹.

Разумеется, такая политика высших органов государственной власти молодого Советского государства существенно отталкивала от себя миллионные массы крестьян. И не только крестьян. В различных архивах страны, в том числе и в Северной Осетии, хранятся уникальные документы, в которых отмечается, что широкие слои населения открыто демонстрируют «враждебность к советской власти» [7, ф. 18, оп. 80, д. 288, л. 22], [8, ф. 180, оп. 28, д. 140, л. 10]. В то же время надо отметить, что руководители Советского государства прилагали огромные усилия, иногда даже на грани фантастики, чтобы вывести Советское государство из кризисного состояния. Руководители Советского государства, как бы это не показалось очередным мифом для многих отечественных либералов, не

позволяли и себе никаких особых привилегий, никакой роскоши. Так, министр продовольствия РСФСР Александр Дмитриевич Цурюпа, будучи больным, отказывался пить чай с сахаром, которого, разумеется, не хватало. Когда же он уступил просьбам близких и все-таки согласился, чтобы ему принесли кусок сахара, ближайший соратник, выполнявший эту миссию, почти кричал на весь коридор, что «нарком согласился». Это не преувеличение и не большевистская пропаганда. Так обстояло дело с продовольственным кризисом в стране.

В 1921–1922 гг. было решено, чтобы самые пострадавшие территории получили налоговые льготы и семенную ссуду². Совет Народных Комиссаров РСФСР в 1923 г. принял постановление о том, что семенная ссуда для населения неурожайных районов Юго-Востока должна быть возвращена государству в размере 4 млн золотых рублей [7, ф. 17, оп. 86, д. 23, л. 13–14]. Другими словами, наиболее пострадавшие территории получали налоговые льготы и семенную ссуду, но не безвозмездно.

В таких исключительно трудных условиях оказалось Советское государство в период новой экономической политики. НЭП, по концепции большевистского руководства страны, подразделялся на два периода. В условиях первого периода огромная страна должна была построить социалистический фундамент нашего хозяйства. А для того чтобы развернуть индустрию в Советском государстве (это второй период НЭПа), необходимо было начать огромные социалистические преобразования с сельского хозяйства. Сталин по этому поводу говорил: «Самое важное и самое характерное в состоянии нашего хозяйства состоит теперь в том, что центр тяжести переместился в сторону индустрии. Ежели тогда, в первый период новой экономической политики, нам надо было начинать с сельского хозяйства, ибо развитие всего народного хозяйства упиралось в сельское хозяйство, то теперь, для того, чтобы продолжить строительство социалистического фундамента нашего хозяйства, для того, чтобы двинуть вперед хозяйство в целом, необходимо сосредоточить внимание именно на индустрии» [4, с. 119]. Понятно, что чуть-чуть окрепшее сельское хозяйство не могло успешно двигаться дальше без сельскохозяйственных машин, тракторов, другой необходимой техники. Именно поэтому требовалось создание индустрии в нашей стране. .

¹ В 1922 г. представители власти на Дону констатировали, что крестьяне и казаки забивают скот на мясо, и стремились помешать повсеместному распространению забоя, дабы не оставить посеянную компанию без всякого тягла. (См. ЦДНИ РО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 29. л. 40б; Государственный архив Ростовской области (в дальнейшем ГА РО). Ф. р.-2716. Оп. 1 д.1. л. 10. В марте 1922 г. сотрудники Донисполкома отмечали, что «наблюдали поголовное уничтожение собак и кошек» и случаи людоедства (ЦДНИ РО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 146. Л. 64–65). В мае того же года работник Донкома РКП(б) Кеиринг также говорил, что «у нас зафиксирован ряд случаев людоедства» (ЦДНИ РО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 122. Л. 28).

² Так, летом 1921 г. Краевой Экономический Совет Юго-Востока России постановил признать некоторые уезды и волости Юга России голодающими. Было решено просить ВЦИК об уменьшении им налога на 50 % (ЦДНИ РО, Ф. 4. Оп. 1. Д. 156. Л. 25).

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации (в дальнейшем ГАРФ). Ф. р. 1775.
2. Дзидзоев В.Д. История Дур-Дура – Туганово. – Владикавказ, 2018.
3. ГАРФ. Ф. р. 1235.
4. Сталин И.В. Соч. Т. 7.
5. Ленин В.И. Доклад на X Всероссийской конференции РКП (б) о продовольственном налоге. 26 мая 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. – М., 1974.
6. Микоян А.И. В начале двадцатых... – М., 1975.
7. Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920–1937 гг.). Исторический очерк. – Ростов-на-Дону, 1971.
8. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ростов-на-Дону. Ф. 41, оп. 1, д. 222, л. 30.
9. Центр документации новейшей истории Ростовской области (в дальнейшем ЦДНИ РО). Ф. 75, оп. 1, д. 20, л. 6.
10. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг.: трагедия российской деревни. – М., 2008.

TRANSITION TO THE NEP AND PROBLEMS OF THE PEASANTRY OF SOUTHERN RUSSIA

V. D. Dzidzoev

Dr, Professor, Gorsky GAU; Vladikavkaz scientific center of the Russian Academy of Sciences; the NOSU (Dzidzoevv@mail.ru).

Abstract. The article is devoted to a difficult period in the history of our state – to the period of the new economic policy (NEP). During the NEP years, the Soviet state became noticeably stronger in economic terms, however in this period, state authorities allowed private ownership of the means of production on the ground, including the North Ossetia, and in the Mountain Autonomous Soviet Socialist Republic as a whole. It certainly was not a return to capitalism, but a necessary measure for the Soviet state to recover from the deep economic crisis.

Keywords: New economic policy, food tax, food distribution, October revolution, famine, people, Soviet state, solid collectivization of agriculture, X party Congress, "military communism", Holodomor.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (v dal'nejšem GARF). F. r. 1775.
2. Dzidzoev V.D. Istorija Dur-Dura – Tuganovo. – Vladikavkaz, 2018.
3. GARF. F. r. 1235.
4. Stalin I.V. Soch. T. 7.
5. Lenin V.I. Doklad na X Vserossijskoj konferencii RKP (b) o prodovol'stvennom naloge. 26 maja 1921 g. // Lenin V.I. Poln. sobr. Soch. T. 43. – M., 1974.
6. Mikoyan A.I. V nachale dvadcatyh... – M., 1975.
7. Ivanov V.I., Chernopickij P.G. Socialisticheskoe stroitel'stvo i klassovaya bor'ba na Donu (1920–1937 gg.). Istoricheskij ocherk. – Rostov-na-Donu, 1971.
8. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya (CGA RSO-A). Ф. 41, оп. 1, д. 222, л. 30.
9. Centr dokumentacii novejshej istorii Rostovskoj oblasti (v dal'nejšem CDNI RO). Rostov-na-Donu . Ф. 75, оп. 1, д. 20, л. 6.
10. Kondrashin V.V. Golod 1932–1933 gg.: tragediya rossijskoj derevni. – M., 2008.

